

Сюжет для небольшого спектакля

Внук генералиссимуса никогда не видел деда

общая газета. — 1998. — 28 мая. — 3 колонн. — с. 14

АЛЕКСАНДР БУРДОНСКИЙ — режиссер театра Российской армии, поставивший спектакли «Дама с камелиями», «Ваша сестра и пленница», «Британик» по пьесе Расина и многие другие.

— Вы 25 лет в этом театре. Это в вас говорит семейный военный ген?

— Нет, мне не хотелось работать в этом театре. Я не люблю армию. Моим педагогом в ГИТИСе была знаменитая Мария Осиповна Кнебель, которой я обязан многим. Ее пригласили на постановку, она в свою очередь взяла меня сорежиссером. А потом главный режиссер театра Андрей Попов пригласил меня в штат.

— Почему вы не любите армию, Александр Васильевич?

— Потому что не люблю. У меня отец был военный, силой отдал меня в Суворовское училище, где я пробыл два года. Потом уговорил маму, и она меня забрала. В армии много замечательных людей, но много и косности. А косность и искусство сосуществуют с трудом.

— Но спектакли-то об армии ставить приходилось?

— Я не ставил военных поло-

тен, но пьесы, где проявлялась человеческая сущность, ощущалась глубина не только в показе армейского быта, но душа человека, у меня были. Одна из них — «Снеги пали»: такая полусказка. Сейчас театр мало ставит военных пьес. Тема армии была животрепещущей после войны.

— Раньше в ваш театр военные приходили поротно и побатальоново. Как теперь связан театр с армией?

— Она наш спонсор. Без нее мы не выжили бы в наше бурное время. Мы выезжаем в войска с концертами, спектаклями.

— Вам хорошо, интересно работается?

— Если бы я сказал, что мне здесь удобно и уютно, я, наверное, солгал бы. Здесь мой дом — да. Но в доме бываю и непонимание, и драмы, и хлопоты дверями иногда. Я люблю свой театр и многих людей в театре, но... Трудно мне. Успеху сопутствует ревность, зависть. Меня они сопровождают постоянно. И потом... за мной сталинская фамилия.

— При чем тут это?

— Ну при чем-то есть. Это не так просто — заниматься публич-

ной профессией при моей родословной. Пока много и интересно писали о моих режиссерских работах — они нравились. А сейчас... Пришел известный критик за кулисы после спектакля, чтобы меня поздравить, а ему «Режиссер — внук Сталина». «О-о-о! — говорит критик. — Это меняет дело». И вот «это меняет дело» постоянно за мной идет. Если мои спектакли приглашали на международные фестивали, то приглашение приходило только после окончания фестиваля. Застрелало где-то в Министерстве культуры.

— Ваш отец носил фамилию Джугашвили?

— Нет. Сталин.

— А почему вы Бурдонский?

— Я ношу мамину фамилию. Она мне больше нравится. Сначала в метриках была фамилия отца, но когда я получал паспорт, сменил ее на мамину.

— У вас есть дети?

— Нет. Зачем им повторять мою жизнь?

— Из-за родословной?

— Да... Я с восьми лет не видел свою мать, прожил жуткое детство, которого никому не пожелаю. Оно у меня перед глазами. Я не

жалею, что так было, иначе, может быть, вырос бы барчуком. Дети — это очень большая ответственность, им надо очень много давать. Целое искусство...

— Простите за бестактность, а почему вы с мамой были в разлуке? Ее посадили?

— Она ушла от отца, он нас ей не отдал. Тогда это было возможно. Она мучилась. Хотела покончить с собой. Пока не умер Сталин, до 53-го года, маму мы не видели.

— Вы жили с отцом?

— Да. И с его женами.

— Во ВГИКе сейчас учится правнук Сталина. Вы общаетесь?

— Нет. Жена — побочный сын Якова Джугашвили — с моей точки зрения, ведет себя неприлично. Какие-то общества организует, бегают с флагами: «Сталин, Сталин!» А с Галеей, Яшиной дочкой, дружу.

— В партию когда-нибудь вступали?

— Нет. Что вы! Никогда ни в комсомоле, ни в партии не был.

— Вы человек странный?

— «Не странен кто ж?» Я не думаю, что я человек странный. Нет. Я всю жизнь живу во лжи.

Правда, все мы живем во лжи. Я всегда был Дон Кихотом, хотел, чтобы в жизни присутствовала истина и нашел ее в своей маме и в Марии Осиповне Кнебель.

Я стараюсь не лгать. Меня с детства обманывали. Говорили: «Эта женщина твоя мама». А я помнил свою настоящую мать.

— А с дедом, Иосифом Сталиным, вы были знакомы?

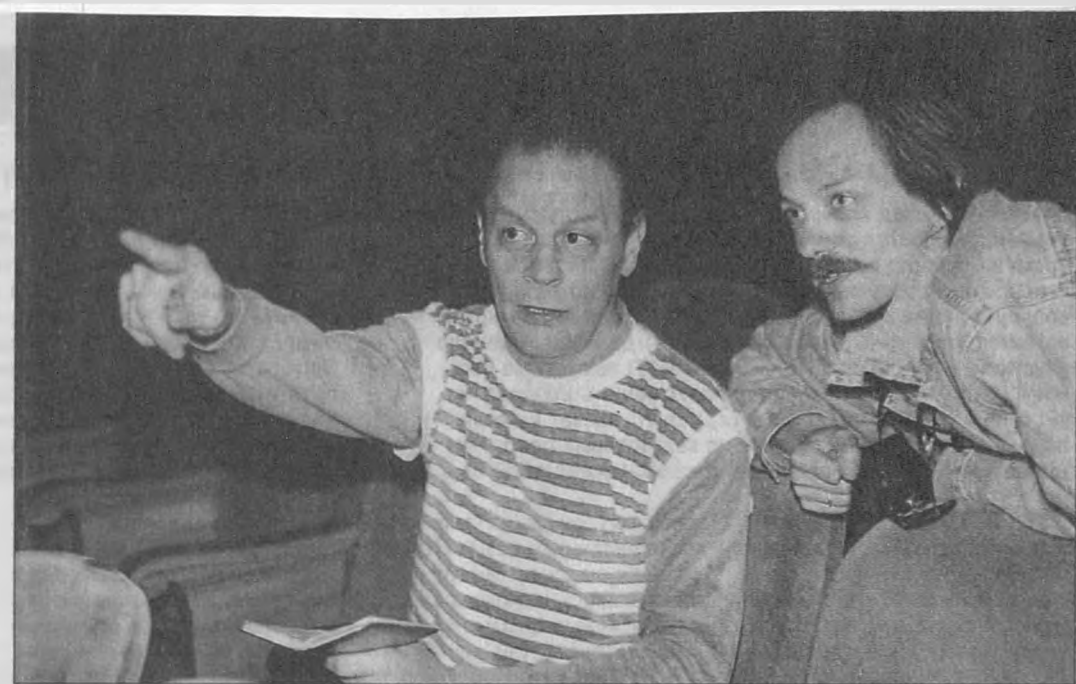
— Нет. А как я мог быть с ним знаком? Я родился в 1941 году. Была война. Потом папа разошелся с мамой. А Сталин этого не приветствовал. После войны он вообще был равнодушен к внукам, детям. Даже Светлана (Аллуева) его видела считанные разы. Я, как и все, видел его стоящим на мавзолее. Знал, что это Сталин. Ура! А то, что он дедушка мой... Дедушка совсем другой должен быть. Бабушка, дедушка — это что-то другое. Гостинцы дарят или гладят тебя. Мамину маму я хорошо помню, люблю. Это была бабушка.

— У вас есть семья?

— Нет, сейчас я один.

— У вас кольцо на пальце.

— Это не обручальное. Обру-

Александр Бурдонский на репетиции

мы расстались с женой. Кольцо, которое с трудом снималось, упало.

— Вы верите в такие вещи?

— Иногда. Даже если бы я не хотел верить, они случаются.

— Кто по профессии ваша жена?

— Мы вместе учились в ГИТИСе. Она живет в Латвии, литовка. Там сейчас очень трудно.

Мы прожили хорошие годы, она умный и талантливый человек, очень крупный режиссер.

— Александр Васильевич, какой новый спектакль занимает сейчас ваши мысли?

— «Дуэт для двоих». Это пьеса о знаменитой скрипачке, которая заболевает рассеянным склерозом, теряет профессию и обращается к врачу-психиатрику.

Пьеса о том, что прежняя жизнь кончилась и надо выйти из прошлого, научиться жить заново, понять и принять то, что с тобой произошло. Хотя это очень трудно сделать.

Пьеса о нас. Касается почти каждого человека. Это пьеса обо мне.

Надежда РЕПИНА